

Социальная политика. Социальная структура

© 2020 г.

Г.Ю. КАНАРШ

«НЕЗАЧЕМ РЕЗАТЬ КУРИЦУ, НЕСУЩУЮ ЗОЛОТЫЕ ЯЙЦА»: СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ В НАЧАЛЕ XXI в.

КАНАРШ Григорий Юрьевич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва, Россия (grigkanarsh@yandex.ru).

Аннотация. Анализ эволюции социального государства на Западе в конце XX – начале XXI в. говорит о его значительной трансформации. Однако, как доказывается автором, речь идет не о «триумфальном падении государства благосостояния», а скорее о его модернизации и адаптации к изменившимся условиям. В статье анализируются основные модели государства благосостояния в современной Европе, которые устойчиво сохраняются вопреки «наступлению либерализма». Несмотря на значительные различия между ними, все они объединены прагматизмом и основанной на нем консенсусной моделью поведения. В этой связи в статье рассматривается эволюция Лейбористской партии Великобритании и изменение ее социальной политики после прихода к власти в 1997 г. Изучение концепций глобального перераспределения показывает, что консенсусно-прагматичный подход европейских социал-демократов востребован сегодня не только на национальном, но и на глобальном уровне.

Ключевые слова: социальное государство • государство благосостояния • социальная справедливость • консерватизм • социал-демократия • либерализм • прагматизм • «новый лейборизм» • глобальное неравенство • глобальное перераспределение • глобальная справедливость

DOI: 10.31857/S013216250009292-4

«Триумфальное падение Welfare State?» В последние десятилетия тема социального государства стала одной из широко обсуждаемых в западном и российском научных сообществах. Это связано с тем, что данный социальный институт с конца XX в. переживает серьезные трансформации. Некоторые исследователи считают возможным говорить даже о «триумфальном падении Welfare State (государства всеобщего благосостояния. – Прим. Г.К.)» (см., напр.: [Сидорина, 2018: 171]). Называют разные причины этого: глобализация, рост иждивенческих настроений, старение населения в европейских странах (что создает непомерную нагрузку на бюджет), падение социалистической системы, которое привело к ослаблению социализации западного капитализма, и др. Почти все исследователи, занимающиеся данным вопросом, в той или иной мере согласны, что социальное государство на Западе сильно изменилось и что сегодня уже нельзя говорить о данном социальном институте, имея в виду только его классические варианты.

Что же произошло с социальным государством? В последние десятилетия XX и первые десятилетия XXI в. происходила значительная либерализация этого института, которая выразилась:

- в серьезном сокращении вмешательства государства в перераспределительные процессы;

- в приватизации значительной части государственных предприятий и общественных служб (особенно в период «волны неоконсерватизма» 1980-х и начала 1990-х гг., но продолжившейся и позднее);

- в сокращении объема и радикальном изменении условий получения гражданами предоставляемых государством социальных благ (например, пособий по безработице), так что общая направленность государственной социальной политики в развитых странах изменилась с помощи индивиду «от колыбели до могилы» на формирование стимулов к труду;

- в значительном перераспределении функций социального государства от собственно государственной администрации (центральной и местной, региональной) к другим общественным силам – прежде всего, к бизнесу и институтам гражданского общества.

Последний пункт является наиболее важным: в условиях глобализации и серьезных демографических сдвигов в западном обществе государство более не способно нести такую большую социальную нагрузку. В фундаментальных обобщающих трудах по социальному государству (напр.: [Социальная Европа..., 2011]) говорится о новом качестве социального партнерства, которое должно быть выработано европейскими обществами: оно должно заключаться в значительно большей роли бизнеса и институтов гражданского общества в реализации целей социальной политики. Таким образом, речь должна идти не о демонтаже социального государства в Европе, но, скорее, о его *адаптации к новым социальным вызовам* (прежде всего, со стороны глобализации), которая включает в себя существенное перераспределение ответственности между государством и другими акторами.

В настоящей статье мы рассмотрим основные вехи трансформации социального государства со второй половины XX в., стараясь акцентировать особенности, которые возникали на разных этапах социального развития на Западе, и инварианты социальной политики, сохраняющиеся в Европе, несмотря на все произошедшие изменения. Главным инвариантом мы считаем ценности справедливости, социальной сплоченности и общую направленность на компромисс как главное условие справедливой социальной политики. Эти особенности европейского общества реализуются сегодня как на национальном, так и (в перспективе) на глобальном уровне.

Классическое государство благосостояния в Европе. Единая западноевропейская социальная модель сформировалась в послевоенный период и характеризуется следующими чертами: социальная сплоченность; социальная справедливость; высокий экономический рост; защита окружающей среды; высокая значимость человеческого достоинства. Эти особенности реализуются в разных моделях социальной политики (континентальной, североευропейской, англосаксонской) и в совокупности образуют то, что исследователи называют «социальным стержнем Европы» [Каргалова, 2011: 184]. Иными словами, современная Европа идентифицирует себя не только с капитализмом (что является традиционным для нее на протяжении столетий), но также и с *практиками социализации капитала*, что также стало европейской традицией по крайней мере с последней трети XIX в. (когда возникло первое в западном мире социальное государство – германское).

В то же время существуют и различные страновые модели социального государства, по-разному реализующие отмеченные принципы [Esping-Andersen, 1990]. Рассмотрим, что же составляет сущность каждой из них.

Возникновение первой – германской – модели социальной политики связано с именем имперского канцлера Германии Отто фон Бисмарка. Его задача была вполне прагматической и заключалась в том, чтобы посредством реализации определенной «дозы» социализма противостоять активно распространявшейся в то время в Европе социалистической «заразе». В результате при его участии был принят ряд социальных законов о

социальном страховании (по болезни, от несчастных случаев, по старости и инвалидности), которые в целом имели одну цель – поддержать высокий социально-экономический статус представителей рабочего класса при наступлении социальных рисков. Именно в этом (а не в поддержке населения вообще) исследователи видят основную задачу бисмаркианского социального государства (см., напр.: [Bonoli, 1997]). Данная модель рассматривается как консервативная – направленная на сохранение существующего социально-политического порядка посредством определенной модернизации государственных форм [Белов, 2011].

Тем не менее социальное государство в Германии прошло определенную эволюцию. Послевоенное государство вобрало в себя не только собственно консервативные, но и неолиберальные элементы. Социальная политика послевоенной Германии строилась по рецептам ордолибералов, которые считали, что главное – создание не систем социальной защиты, а условий для наилучшей самореализации индивида. В качестве таковых они видели формирование особого конкурентного порядка и ограничение монополизма, регулирование рынка труда и создание равных стартовых условий в обществе (в первую очередь посредством развитой системы образования). По мысли ордолибералов, если государством будут созданы все необходимые условия для благоприятной экономической деятельности, то *отпадает необходимость в самом социальном государстве*, поскольку рост национального благосостояния будет способствовать улучшению позиций каждого члена общества [Социальное рыночное хозяйство..., 2007; Социальное рыночное хозяйство..., 2017].

Другая ключевая для Европы модель – североевропейская, или социал-демократическая. По ряду важнейших параметров она отличается от германской (консервативной), однако в главном значительно сближается с ней. Особенности данной модели таковы. Во-первых, преимущественно не страховой, а налоговый (фискальный) характер проводимой политики. Во-вторых, значительная роль государства и государственного сектора в экономике. Многие предприятия в Швеции, Норвегии и Финляндии по-прежнему находятся в руках государства, несмотря на капиталистический характер экономики. Государство же является и крупнейшим работодателем, на протяжении многих десятилетий реализовавшим принцип всеобщей (полной) занятости (посредством не только создания рабочих мест в госсекторе, но и широкой программы профессиональной подготовки и переподготовки). В-третьих, экономика и социальная политика в Северной Европе носят инновационный характер: многие нововведения скандинавов затем нашли воплощение в общеевропейской практике (например, сегодняшнее «государство социальных инвестиций» в Великобритании и других странах – воплощение того, что хорошо было известно в Скандинавии). В-четвертых, несмотря на свой «превентивный» и «инновационный» характер, скандинавское государство благосостояния отличается самым высоким уровнем социальной поддержки населения – на социальные нужды идет более 40% ВВП [Антюшина, 2011].

Третья модель социального государства – неолиберальная (англосаксонская) – распадается на два варианта, британский и американский. Британский вариант в целом ближе западноевропейской социальной модели, а американский вариант рассматривается как противоположность тому, что сложилось в Европе [Риччери, 2011]. Что характерно для этой модели? Во-первых, значительно меньшая роль государства в социальной политике: государство обеспечивает некие минимальные социальные гарантии, тогда как гражданское общество активно участвует в ней наряду с правительственными структурами. Во-вторых, социальная помощь направлена в первую очередь на наиболее нуждающиеся слои населения (идея «искоренения нужды» лорда У. Бевериджа как цель социальной политики). Главным недостатком данной модели (прежде всего, в США) считается наличие значительного слоя людей, не охваченных социальными программами (например, программой социального страхования), что делает их социально уязвимыми. Но даже в американском (крайнем, как считается) варианте социальное государство на всем протяжении XX в. пыталось реализовать универсалистские модели социальной политики,

близкие европейским («Новый курс» Ф. Рузвельта, «Великое общество» Д. Кеннеди и Л. Джонсона). Правда, эти универсалистские схемы плохо «вписывались» в особенности общественно-политической культуры американского общества и потому наталкивались на сопротивление значительной части американцев.

Таким образом, западноевропейская социальная модель имеет свои страновые варианты, однако каждая из них по-своему реализует общие европейские ценности. Главным же мы считаем *практику социального компромисса*, которая стала ключевым условием реализации сильной социальной политики в каждой из этих моделей. Только учет интересов других сторон и отказ от радикализма позволили европейцам реализовать такую эффективную систему социальной поддержки, сочетающуюся с высокими темпами экономического роста. Более того, опыт модернизации европейских социал-демократий последних десятилетий также свидетельствует, что прорывное поведение правительства совместимо с сильной политикой в социальной сфере. Нужно лишь придерживаться прагматичного подхода, не бояться экспериментировать и пробовать сочетать то, что на первый взгляд кажется несовместимым. Именно этот подход, как будет показано далее, довольно успешно реализовали в своей политике Лейбористская партия Великобритании, а вслед за ней и Социал-демократическая партия Германии, руководимые Э. Блэром и Г. Шредером соответственно.

Модернизация социального государства в конце XX – начале XXI в. Западный социолог Р. Дарендорф полагал, что весь XX век в Европе можно считать социал-демократическим [Dahrendorf, 1983: 16]. Действительно, основные достижения в строительстве государства благосостояния должны быть отнесены на счет именно социал-демократических партий. Особенно это характерно для Скандинавии, но в значительной мере и для Великобритании и Германии. В то же время для западноевропейской социал-демократии, в отличие от классического (ортодоксально-марксистского) социализма, характерен постоянный ревизионизм – антидогматизм и готовность постоянно пересматривать программные установки партии в зависимости от меняющихся обстоятельств.

Например, сущность шведской модели «функционального социализма» заключается в том, чтобы (совсем упрощая) «производить по-капиталистически, но распределять по-социалистически». Для классических социалистических взглядов было характерно представление, что для справедливого распределения общественного продукта необходимо, чтобы средства производства находились в общественной (государственной) собственности. Прагматичные же шведы еще в 1930-е гг. рассудили по-иному: они оставили основные средства производства в частных руках, но при этом национализировали некоторые функции права частной собственности [Мысливченко, 1998; 2004].

В конце XX в. ряд обстоятельств привел к значительной трансформации как самой социал-демократии, так и проводимой ею социальной политики. К этим обстоятельствам относятся, прежде всего, большие издержки для развития экономики и социальной сферы из-за чрезмерного государственного планирования, выявившиеся в последние десятилетия XX в. Значительные изменения произошли в социальной структуре западных обществ: традиционный рабочий класс значительно уменьшился, зато существенно выросли средние слои (менеджеры, работающие в сфере социальных услуг, и т.д.). На смену индустриальному обществу пришло постиндустриальное, которое требует уже не способности к монотонной работе на конвейере, а совсем других качеств – высокого профессионализма и креативности. Выросли индивидуалистические установки, в том числе и в связи с политикой неоконсерваторов в 1980-е гг., которая, в частности, преследовала цель увеличения числа собственников (например, собственников жилья). Важнейшим фактором трансформации стала также глобализация, которая серьезно ограничила возможность национальных государств по сбору (в виде налогов) и последующему перераспределению результатов экономического роста. Все это с необходимостью должно было привести к изменению как политики социал-демократических партий, так и состава и ценностных ориентаций самих этих партий.

Наиболее ярким и показательным примером модернизации европейской социал-демократии (и проводимой ею политики) является новейшая история Лейбористской партии Великобритании. Лейбористская партия имеет весьма солидную историю, восходящую к началу XX в., изначально впитала дух антидогматизма и умеренности. Ее особенности формировались в контексте британской либеральной политической традиции и национального характера англичан [Работяжев, 2014: 122]. Тем не менее во второй половине XX в. Лейбористская партия прошла путь эволюции своих воззрений и политики, которую можно характеризовать как «перманентный ревизионизм». Он сильно повлиял на выдающегося деятеля лейборизма Энтони (Тони) Блэра, с именем которого обычно связывают разработку концепции «третьего пути» европейской социал-демократии [Охошин, 2014].

С 1979 г. (после прихода к власти неоконсерваторов под руководством М. Тэтчер) Лейбористская партия на протяжении 18 лет находилась в оппозиции, постоянно теряя свой электорат. Уже в первой половине 1980-х гг. стало очевидно, что она нуждается в модернизации своих программных установок и кадрового состава. «Камнем преткновения» оставался пункт 4 Устава партии, требовавший всеобъемлющей национализации. При Э. Блэре произошла трансформация, которую некоторые исследователи называют «тихой революцией» [Ананьева, 2001].

Прежде всего, Блэр осуществил то, что не удалось сделать до него лидеру партии Х. Гейтскеллу в 1950-е гг., – изменить пункт 4 Устава, предусматривающий программу национализации. В 1995 г. с подачи Блэра партия изменила этот пункт своего Устава, и в новой редакции он стал звучать совершенно иначе – как провозглашавший реализацию социал-демократических ценностей (солидарности, справедливости, толерантности), но в контексте не социалистической экономики, а экономики, основанной на частной собственности на средства производства [Остапенко, Прокопов, 2012: 358–359]. Тем самым партия примирялась с широкой программой приватизации, осуществленной ранее правительствами М. Тэтчер и Д. Мейджора. Кроме обновления программных установок при Блэре (с 1994 г.) произошло и значительное обновление кадрового состава партии: в нее вошло много женщин и представителей средних слоев. В результате партия превратилась в подлинно общенациональную, представляющую интересы широких слоев (не только рабочих, но и среднего класса и бизнеса). Все эти изменения привели к значительному росту электората партии (особенно на фоне от усталости от многолетнего правления консерваторов) и в итоге – ее победе на общенациональных выборах 1997 г.

Модернизация политических и идеологических установок партии означала и кардинальное изменение социальной политики лейбористов. Главное нововведение Блэра на посту руководителя партии и председателя кабинета министров – изменение приоритетов социальной политики, «переход от государства всеобщего благосостояния к государству социальных инвестиций» [Мысливченко, 2004: 273–280]. Отныне социал-демократы видели предназначение государства не в том, чтобы «раздавать» блага, а в том, чтобы *реализовывать политику по созданию условий для самоответственности индивида*. Государство не устранялось из социальной политики, но оно действовало на строго определенных направлениях и подчиняло свои задачи вложениям в «человеческий капитал». Именно человеческий капитал является приоритетом для социал-демократических правительств нового типа в Европе, что составляет самую «сердцевину» политики «третьего пути» [Белкин, 2005].

«Третий путь» – концепция, согласно которой новая социал-демократия, действуя в новых условиях, реализует «путь», промежуточный между традиционной левой политикой по национализации и неоконсервативной политикой минимального государства и индивидуализма [Giddens, 1998; Федотова, 2005: 345–364]. «Третий путь» должен был примирить эти крайности, взяв отдельные элементы из левой политики и из неоконсервативной.

Это отчетливо видно в мерах второй половины 1990-х и 2000-х гг. [Работяжев, 2014], когда Блэр реализовал прорыночную политику в экономической сфере и, наоборот, социал-демократическую политику в сфере социальной. Тем самым одновременно были созданы

условия и для динамичного развития рыночной экономики (например, предоставление автономии Банку Англии, снижение налогов на корпорации и налога на доходы физических лиц, принятие закона о конкуренции и др. [Павлова, 2009]), и для развития социальной сферы (поддержка занятости населения, реформы в области образования и здравоохранения, политика поддержки материнства и детства, других уязвимых слоев [Бунькова, 2005]). То, что можно было бы назвать противоречивостью (на деле – творческим синтезом политики Блэра), обнаруживается в том, что одновременно были снижены налоги на корпорации и введен налог на сверхприбыли нефтедобывающих компаний, из которого затем финансировались программы поддержки занятости [Павлова, 2009]. В плане распределения социальной ответственности политика кабинетов Блэра была направлена на то, чтобы создать новую конфигурацию государства благосостояния, переложив часть ответственности по реализации социальной политики с государства на бизнес и гражданское общество (в том числе местные сообщества). Именно в этом – в новом качестве социального партнерства – заключался основной смысл известной концепции «общества соучастия» Блэра [Охошин, 2013].

Таким образом, модернизация социал-демократии в Великобритании, которую в 1990-е гг. «подхватила» Германия, свидетельствует о возможности сильной социальной политики и в условиях глобализации, если подходить к ней прагматично, не отказываясь при этом от ценностей. Поэтому «третий путь» Блэра и Шредера – важнейший феномен в истории новейшего социального государства. Хотя на рубеже 2000–2010-х гг. кабинет Э. Блэра и его преемника Г. Брауна сменило правительство консерваторов, а британские социал-демократы сделали поворот в сторону классического социализма (с его идеями сильного регулирования экономики) [Работяжев, 2016], стиль социальной политики в европейских странах еще долго будет испытывать влияние «новых лейбористов».

От национального – к глобальному регулированию капитала. Концепция «третьего пути» Блэра–Шредера была сформулирована на рубеже XX–XXI вв., когда глобализация только разворачивалась и проблемы, ею вызванные, были еще не так видны. Однако постепенное обострение проблем глобального неравенства привело к формированию новых концепций, расширяющих социал-демократический дискурс за пределы национальных социал-демократий.

Сегодня к проблемам глобального социального неравенства обращаются ученые по всему миру, в том числе и в России. Следует обратить внимание на позицию отечественного философа В.Г. Федотовой, работавшей в 2010-е гг. в проекте Я.А. Шолте по изучению глобальной справедливости («Структурные перераспределения в пользу глобальной демократии») [Федотова, 2015]. Она обращается к идеям и опыту европейской социал-демократии, считая, что эти идеи оказываются вновь востребованы в условиях глобализации. Философ анализирует концепцию «глобального третьего пути», представленную в начале 2000-х гг. Э. Гидденсом [The Global Third Way..., 2001], и показывает, что, несмотря на большой интерес к ней, она не была реализована, поскольку содержала некоторые инновации (например, опору на развитое гражданское общество, сохранение устойчивости экосистемы и др.), которые не были восприняты многими, особенно развивающимися странами.

В качестве альтернативы проекту Гидденса и другим проектам В.Г. Федотова предлагает свое понимание глобальной социал-демократии, которая, по ее мнению, сегодня могла бы предложить своего рода социальный контракт, объединяющий богатые и бедные страны (при посредничестве международных организаций) наподобие того, который существовал в послевоенный период на Западе в рамках национальных государств. По ее мнению, глобальные вызовы (миграция, терроризм) сегодня усиленно подталкивают к этому. «Я предлагаю посмотреть на богатый и бедный мир как своего рода тех же оппонентов, которые вызвали к жизни национальную социал-демократию. Моя идея глобальной социал-демократии состоит в том, чтобы “заменить” в этом контракте людей странами. Тогда глобальная социал-демократия станет контрактом между такими группами

стран, побудит к взаимным обязательствам» [Федотова, 2015: 121]. При этом взаимная ответственность стран, согласно идее Федотовой, могла бы проявляться в том, что богатые страны платят специальный налог для помощи бедным странам, которые в ответ сдерживают иммиграцию. Все это происходило бы при посредничестве международных структур, чья роль соответствовала бы роли государства в национальном социал-демократическом консенсусе.

В современной научной литературе есть и более конкретные, более операционализируемые предложения по созданию справедливого глобального социально-экономического порядка. Одно из радикальных и в то же время респектабельных предложений было высказано французским экономистом Т. Пикетти в его знаменитой книге «Капитал в XXI веке» [Пикетти, 2015].

Согласно Пикетти, сегодня необходимо изобрести новые инструменты, которые, образно выражаясь, позволили бы «не резать курицу, несущую золотые яйца» (т.е. сохранить глобальный капитализм с его преимуществами), но при этом осуществить эффективное регулирование глобального капитала в интересах большинства. Пикетти занимает достаточно консервативную, «охранительную», позицию в отношении традиционных институтов социального государства (таких как бесплатное высшее образование, распределительная пенсионная система или высокие ставки прогрессивного подоходного налога). Однако его главная идея – прогрессивного налога на капитал – представляется революционной. Хотя в глобальном масштабе такая идея сейчас мало реализуема, однако в региональных или континентальных масштабах (Пикетти имеет в виду прежде всего объединенную Европу) ее вполне можно начать осуществлять уже сейчас.

Данным налогом следовало бы обложить как финансовые, так и нефинансовые активы – словом все, чем владеет индивид и от чего он получает свой доход. Ставка данного налога не должна быть слишком высокой, чтобы не произошла конфискация значительных объемов капитала за несколько лет. По Пикетти, налог должен быть в пределах 1–2% для значительных состояний (измеряемых миллионами долларов) и существенно большим для сверхкрупных состояний – от 5 до 10%, а для капиталов до одного миллиона долларов налоговая ставка должна быть незначительной (доли процента). Таким образом, вновь реализуется принцип «не резать курицу, несущую золотые яйца»: налог на капитал будет не только удовлетворять требованиям справедливости (ограничивать имущественное неравенство), но также способствовать накоплению и эффективному использованию капитала (что обеспечивается сравнительно невысокими ставками). Такой прогрессивный налог на капитал может вводиться отдельными странами (например, определенный опыт имеет в этом отношении Италия), однако он требует тесной финансовой кооперации между странами (в первую очередь в форме автоматической передачи информации о финансовых активах, принадлежащих индивидам).

Таким образом, главная цель прогрессивного налога на капитал – это смягчение имущественного неравенства и финансовая прозрачность. Такой налог, считает Пикетти, не отменяет, а дополняет традиционные инструменты социальной политики – такие как социальное государство и прогрессивный подоходный налог. Данный подход соответствует общей прагматической логике западных демократий – «незачем резать курицу, которая несет золотые яйца», т.е. уничтожать плоды глобализации мировой экономики ради достижения социальной справедливости (левые социалисты) или защиты местных товаропроизводителей (подход протекционизма). Напротив, нужно использовать выгоды глобализации, одновременно осуществляя ее эффективное регулирование (при помощи налога на капитал), что вполне соответствует традиционным целям европейской социал-демократии.

Получается, что западноевропейские идеи эволюционного развития и социального компромисса по-прежнему востребованы, причем не только в рамках национальных государств, но и на наднациональном (глобальном) уровне.

Заключение. Итак, хотя социальное государство на Западе подверглось значительной трансформации в конце XX – начале XXI в., говорить о «триумфальном падении Welfare State» преждевременно. Скорее нужно вести речь о его модернизации и адаптации к изменившимся реалиям.

Хотя в эпоху глобализации стираются межстрановые различия между моделями государства благосостояния (поскольку везде происходит либерализация), но различия сохраняются. Однако между различными моделями благосостояния в Западной Европе гораздо больше общего: все они построены на прагматизме, который становится основой стремления к консенсусной модели поведения. Это хорошо видно в модернизированных версиях социального государства, реализованных правительствами Э. Блэра и Г. Шредера в Великобритании и Германии. «Третий путь» Блэра и Шредера – удачный поиск «золотой середины» между крайностями традиционного социал-демократизма и неоконсерватизма, между крайностями нерегулируемого рынка и всеобъемлющего государственного регулирования.

Ценности европейской социал-демократии (прагматизм, стремление к консенсусу) оказываются востребованы сегодня не только на национальном, но и на глобальном уровне. Об этом говорит обращение к социал-демократической перспективе ученых-исследователей, занимающихся глобальным неравенством.

Западноевропейский опыт социал-демократического государственного строительства чрезвычайно важен для современной России, с ее слабой выраженностью прагматических начал, максимализмом и стремлением к крайностям. Россиянам надо научиться решать проблемы социальной и политической жизни, опираясь на дискурс поиска «золотой середины», а не крайних решений, провоцирующих конфликты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ананьева Е.В. «Тихая революция» Т. Блэра // Актуальные проблемы стран Европы: Учеб. пособие. М.: Дипакадемия МИД России, 2001. С. 3–27.
- Антюшина Н.М. Сущность и перспективы североевропейской модели // Социальная Европа в XXI веке / Под ред. М.В. Каргаловой. М.: Весь Мир, 2011. С. 299–319.
- Белкин С.В. Эволюция британского лейборизма в условиях подъема и спада «консервативной волны»: 1979–2001 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005.
- Белов В.Б. Социальное государство в Германии // Социальная Европа в XXI веке / Под ред. М.В. Каргаловой. М.: Весь Мир, 2011. С. 239–260.
- Бунькова Л.А. Социальная программа «новых лейбористов» Великобритании: подготовка, приоритетные направления, реализация (1994–2001 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
- Каргалова М.В. Определение и содержание Европейской социальной модели // Социальная Европа в XXI веке / Под ред. М.В. Каргаловой. М.: Весь Мир, 2011. С. 173–186.
- Мысливченко А.Г. Глава IV: Шведская модель общественного развития // Западная социал-демократия: поиск обновления в условиях кризиса / Отв. ред. А.Г. Мысливченко. М.: ИФРАН, 1998.
- Мысливченко А.Г. Западная социал-демократия и перспективы социального государства // Исторические судьбы социализма / Отв. ред. Ю.К. Плетников. М.: ИФРАН, 2004. С. 259–282.
- Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: Учеб. пособие. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2012.
- Охошин О.В. «Общество соучастия» как новая концепция социальной политики на примере Великобритании: (1995–2005 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Всеобщая история». 2013. №13(114). С. 221–234.
- Охошин О.В. Трансформация доктрины лейборизма в Великобритании (1945–1997) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Всеобщая история». 2014. № 13(135). С. 176–190.
- Павлова О.Ю. Экономическая политика британских лейбористов при первом правительстве Э. Блэра (1997–2001 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
- Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
- Работяжев Н.В. Европейская социал-демократия в поисках адаптации к меняющемуся миру // Полития. 2012. № 3. С. 146–167. DOI: 10.30570/2078-5089-2012-66-3-146-167.
- Работяжев Н.В. Лейбористская партия Великобритании: вперед, в прошлое? // Полития. 2016. № 4(83). С. 108–127. DOI: 10.30570/2078-5089-2016-83-4-108-127.

- Роботажев Н.В. Лейбористская партия Великобритании на пути адаптации к современному миру // Полития. 2014. № 2. С. 118–140. DOI: 10.30570/2078-5089-2014-73-2-118-140.
- Риччери М. Американская модель как альтернатива ЕСМ на мировой арене // Социальная Европа в XXI веке / Под ред. М.В. Каргаловой. М.: Весь Мир, 2011. С. 349–373.
- Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее / Отв. ред. Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН, 2016.
- Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России / Под общ. ред. проф. Р.М. Нуреева. М.: ГУ-ВШЭ, 2007.
- Социальное рыночное хозяйство – основоположники и классики / Ред.-сост.: К. Кроуфорд, С.И. Невский, Е.В. Романова. М.: Весь Мир, 2017.
- Федотова В.Г. Есть ли шанс у глобальной социал-демократии? // Полис: Политические исследования. 2015. № 3. С. 110–126. DOI: 10.17976/jpps/2015.03.07.
- Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
- Bonoli G. Classifying Welfare States: a Two-dimension Approach // Journal of Social Policy. 1997. Vol. 26. Iss. 3. July. P. 351–372.
- Dahrendorf R. Die Chancen der Krise: Über die Zukunft des Liberalismus. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1983.
- Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- Giddens A. (ed.) The Global Third Way Debate. Cambridge: Polity Press, 2001.
- Giddens A. The Third Way: the Renewal of Social Democracy. Cambridge: Polity Press, 1998.

Статья поступила: 09.01.20. Финальная версия: 17.02.20. Принята к публикации: 30.04.20.

“NO NEED TO SLAY CHICKEN THAT LAYS GOLDEN EGGS”: SOCIAL STATE AND ITS TRANSFORMATIONS AT THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY

KANARSH G.Yu.

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Russia

Grigory Yu. KANARSH, Cand. Sci. (Politics), Senior Research Fellow, Department of Social Philosophy, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (grigkanarsh@yandex.ru).

Abstract. The article analyzes the evolution of the social state in the West in the late 20th – early 21st centuries. The article is about the significant transformation of the social state in recent decades in the West. However, from the author's point of view, we are not talking about the “triumphant fall of the welfare state”, but rather about its modernization and adaptation to the changed conditions. The article analyzes the main models of the welfare state in Europe. According to the author, despite the fact that everywhere today there has been liberalization, country models of the social state are still preserved. Despite the significant differences between them, all of them, in the author's opinion, are united by pragmatism and a consensual model of behavior based on it. Pragmatism is not only characteristic of the classical versions of the welfare state, it is also inherent in the modernized social state in Europe. In this regard, the article examines the evolution of the UK Labour party and changes in its social policy after coming to power in 1997. Finally, some concepts of global redistribution are considered. It is shown that the pragmatic, consensual approach of the European social democrats is in demand today not only at the national, but also at the global level.

Keywords: social state, welfare state, social justice, conservatism, social democracy, liberalism, pragmatism, “the New Labour”, global inequality, global redistribution, global justice.

REFERENCES

- Ananyeva E.V. (2001) “Silent Revolution” by T. Blair. In: *Actual Problems of European Countries. A Textbook*. Moscow: Dipakademiya MID Rossii: 3–27. (In Russ.)
- Antyushina N.M. (2011) Essence and Prospects of the North European Model. In: Kargalova M.V. (ed.) *Social Europe in the 21st Century*. Moscow: Ves' Mir: 299–319. (In Russ.)
- Belkin S.V. (2005) *The Evolution of British Labour in the Rise and Fall of the “Conservative Wave”: 1979–2001*. Abstract of Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. Voronezh. (In Russ.)
- Belov V.B. (2011) Social State in Germany. In: Kargalova M.V. (ed.) *Social Europe in the 21st Century*. Moscow: Ves' Mir: 239–260. (In Russ.)

- Bonoli G. (1997) Classifying Warfare States: a Two-dimension Approach. *Journal of Social Policy*. Vol. 26. Iss. 3. July: 351–372.
- Bunkova L.A. (2005) *Social Program of the "New Labour" in Great Britain: Preparation, Priority Directions, Implementation (1994–2001)*. Abstract of Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. Moscow. (In Russ.)
- Crawford K., Nevsky S.I., Romanova E.V. (eds) (2017) *The Social Market Economy – the Founders and Classics*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Dahrendorf R. (1983) *The Chances of the Crisis: on the Future of Liberalism*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt. (In Germ.)
- Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton: Princeton University Press.
- Fedotova V.G. (2005) *The Good Society*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)
- Fedotova V.G. (2015) Is There a Chance for Global Social Democracy? *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 3: 110–126. DOI: 10.17976/jpps/2015.03.07. (In Russ.)
- Giddens A. (ed.) (2001) *The Global Third Way Debate*. Cambridge: Polity Press.
- Giddens A. (1998) *The Third Way: the Renewal of Social Democracy*. Cambridge: Polity Press.
- Kargalova M.V. (2011) Definition and Content of the European Social Model. In: Kargalova M.V. (ed.) *Social Europe in the 21st Century*. Moscow: Ves' Mir: 173–186. (In Russ.)
- Kvashnin Yu.D. (ed.) (2016) *Social State in the EU: Past and Present*. Moscow: IMEMO RAN. (In Russ.)
- Myslivchenko A.G. (1998) Chapter IV: Swedish Model of Social Development. In: Myslivchenko A.G. (ed.) *Western Social-Democracy: Search for Renewal in a Crisis*. Moscow: IF RAN: 70–86. (In Russ.)
- Myslivchenko A.G. (2004) Western Social-Democracy and Prospects of the Social State. In: Pletnikov Yu.K. (ed.) *The Historical Destinies of Socialism*. Moscow: IFRAN: 259–282. (In Russ.)
- Nureev R.M. (ed.) (2007) *The Social Market Economy: Concepts, Practical Experience and Application Prospects in Russia*. Moscow: GU–VSHE. (In Russ.)
- Okhoshin O.V. (2014) Transformation of the Doctrine of Laborism in Great Britain (1945–1997). *Vestnik RGGU. Seriya "Istoricheskie nauki. Vseobshchaya istoriya"* [RSUH/RGGU BULLETIN. Series "Historical Studies. General History"]. No. 13(135): 176–190. (In Russ.)
- Ostapenko G.S., Prokopov A.Yu. (2012) *The Modern History of Great Britain: 20th – the Beginning of the 21st Century: A Textbook*. Moscow: Vuzovskij uchebnik: INFRA-M. (In Russ.)
- Pavlova O.Yu. (2009) *Economic Policy of British Labourists under the First Government of A. Blair (1997–2001)*. Abstract of Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. Moscow. (In Russ.)
- Piketty T. (2015) *Capital in the Twenty-First Century*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)
- Rabotyzhev N.V. (2016) British Labour Party: Forward, to the Past? *Politeia*. No. 4(83): 108–127. DOI: 10.30570/2078-5089-2016-83-4-108-127. (In Russ.)
- Rabotyzhev N.V. (2014) British Labour Party on the Way to Adaptation to Modern World. *Politeia*. No. 2: 118–140. DOI: 10.30570/2078-5089-2014-73-2-118-140. (In Russ.)
- Rabotyzhev N.V. (2012) European Social Democracy in Search for Adaptation to Changing World. *Politeia*. No. 3: 146–167. DOI: 10.30570/2078-5089-2012-66-3-146-167. (In Russ.)
- Ricceri M. (2011) The American Model as an Alternative to the ESM on the World Stage. In: Kargalova M.V. (ed.) *Social Europe in the 21st Century*. Moscow: Ves' Mir: 349–373. (In Russ.)

Received: 09.01.20. Final version: 17.02.20. Accepted: 30.04.20.